

Мышеловка для Грызуна

Книга Виктора Суворова «Ледокол», вышедшая в России более десяти лет назад, все это время остается в центре общественного внимания. Высказанную в ней версию начала войны Суворов затем развивал в выходящих одна за одной книгах «День «М», «Последняя республика», «Самоубийство», «Очищение» и «Тень Победы». Каждая сопровождалась скандалом, в адрес автора высказывались разного рода обвинения, но мало кто отваживался спорить с бывшим советским разведчиком, в 1978 году перебежавшим на Запад, по существу. Ритуальные проклятия в адрес изменника Родины в данном случае — не в счет.

Но вот недавно в издательстве «Олма-пресс» вышла книга «Как Виктор Суворов сочинял историю», в которой впервые сделана попытка опровергнуть суворовскую версию с фактами в руках. О том, что из этого вышло, читайте в опубликованной ниже статье.

ПОЛКУ САТИРИКОВ ПРИБЫЛО

Имя зубастого новобранца — Владимир Грызун. Портрет его «бедной жертвы» — на глянцево-обложке фолианта в шестьсот страниц «Как Виктор Суворов сочинял историю». Для тех, кто не в курсе, поясним, о каком Суворове речь: о бывшем советском разведчике по фамилии Резун, гражданине Великобритании. «Ледокол» и другие его книги — о том, как товарищ Сталин на исходе 30-х годов готовил «освободительный поход» в Европу с быстрым разгромом Гитлера и уже двинул вперед войска, но фюрер своим авантюрным блицкригом сорвал эти планы.

Вот уже больше десяти лет крамольная версия начала Великой Отечественной войны вызывает споры и горячие возражения, особенно читателей старших поколений. Ведь в течение десятилетий советские историки уверяли нас, что в июне сорок первого года мудрого вождя народов постиг необъяснимый конфуз. Словно наивный простаки доверился он Гитлеру и прозевал войну.

Обвинять Суворова в злонамеренной лжи пытались многие полемисты, в том числе и профессиональные историки. Но автор «Ледокола», прямо скажем, — крепкий орешек. Все его аргументы основаны на открытых источниках — сообщениях ТАСС, публикациях «Военно-исторического журнала», мемуарах советских военачальников.

Вот и Грызун еще на обложке объявляет все написанное Суворовым «псевдоисторией», «фальсификацией» и «застольными байками», а также «наглой подтасовкой», «заведомой и прямой ложью предателя». Вопрос тут занятнее, что сатирика Грызуна отечественной изысканной словесности подарил наш Ярославль, а если точнее, истфак Демидовского университета. Но об этом чуть позже.

Что после прочтения первых же страниц новинки не вызывает никаких вопросов, так это просто поразительная верность Грызуна своему псевдониму. Поначалу Грызун прикидывается этакой безобидной землеройкой. Обращаясь к нам в тоне бабульки, рассказывающей дитю малому сказку на ночь: «Здравствуй, дорогой читатель!», — он предлагает предвзвешенно поговорить «по-человечески». Мол, давайте, граждане, вместе прочтем наглого вруна Суворова, посмеемся выставить нашего Сталина агрессором похлеще Гитлера; грызанаем-ка отщепенца, используя его собственные приемчики введения читателя в заблуждение.

Грызун даже готов согласиться: подобные интеллектуальные забавы вокруг «одного из самых светлых (хотя и трагического) периодов нашей истории» далеки от науки и весьма похожи на «шутки дурного тона». Но — продолжает напропалую подставляться сатирик-юморист — не ли-

каких автострад тогда не было не только в Советском Союзе, но и в Польше — только в Германии. Зачем, спрашивается, выпускали эти танки-агрессоры?

Грызун заранее потирает руки: дескать, известно, что индекс «А» обозначал на Харьковском заводе всю экспериментальную технику, пока она не вошла в серию, — вот и все.

Но не надо забывать, что двойная политигра с камуфляжем и конспирацией была в СССР перед войной обычным делом. Танки американского конструктора Кристи, те самые БТ, со скоростью до 70 миль в час и запасом хода до семисот кило-

Германией строилась с секретом. Служила одновременно и взлетно-посадочной полосой полевого аэродрома. С забором высоты над вражеской территорией.

ЯРОСЛАВСКИЙ СЛЕД

А теперь о том, кто такой Владимир Грызун. Во вступительном разделе выясняется, что автор — один в двух лицах. Находим и фамилии создателей этого новоявленного Козьмы Прутковка — А. М. Лоханин, М. Б. Нуждин и благодарность некоему И. Е. Семенову «за помощь в подготовке книги».

В самый разгар «интеллекту-

себя», она — прямое продолжение студенческих самиздатовских забав «Партии ПДА» («Партия с длинной аббревиатурой»), в том числе и газеты «Пдавда», с буквой «д». Придумали «врага всего человечества» по имени Макар (Адольфович) Брынзук. До конца третьего курса, как выразился Марк Борисович, сатиру безжалостно выливали на голову этого бедняги. Потом кто-то предложил: а давайте для разнообразия попоптрешим скандального автора «Ледокола».

Взялись, видимо, не на шутку. Три года потрошили, собираясь вдвоем по выходным «без всякой системы». Пришли с рукописью в московское издательство АСТ. Ее прочли, но завернули, объяснив, что неэтично выпускать антисуворовскую книгу там, где печатали самого Суворова. В «Олма-пресс» рукопись приняли, только кое-что попросили пригладить и смягчить, особенно места, где редакторы усмотрели проявление некоего «щепачьего восторга». Заодно задавали еще два вопроса — о книгах Суворова «Самоубийство» и «Очищение» — уж если-де песочить, то все одиозное пятикнижие (пока суть да дело, превратившееся в шестикнижие).

Первые главы, как полагает сам Нуждин, — это «детство» авторов. «Нормальный стиль» начинается с третьей части. Ну как тут было не поинтересоваться, не вырос ли по ходу дела сатирик из детских штанишек не только по части стили, но и во взглядах на начало Великой Отечественной войны. Оказалось, что не без того. О «важнейшем моменте» он высказался так:

— У нас в учебниках написано, что Гитлер напал на СССР внезапно. С таким пониманием, на чем паразитирует Суворов, надо бороться. Много информации появилось о том, что Сталин точно знал: Гитлер нападет. Многие агресии, стягивая силы к границе. В ночь на 22 июня округа получили приказ о приведении войск в боевую готовность. Не надо нам делать вид, что Сталин верил Гитлеру.

Подхватив тему, я задал моему визави еще пару детских вопросов. Зачем товарищу Сталину понадобилось стягивать к границам десять воздушно-десантных дивизий? Куда эти парашютисты собирались прыгать? В духе Грызуна, не ведающего сомнений, наш эксперт назвал сие «элементарным перегибом» при стремлении Сталина наращивать армию «экстенсивным путем». Мол, анализ показывает, что самолетов для такого количества десантников все равно не хватало.

Вопрос о том, как понять, что музыка великой песни «Священная война», заказанная вождем народов композитору Александру Александрову, была готова уже в феврале 1941 года, себе-седник похвалил: хороший вопрос. И уверенно завершил интервью в свою пользу. Это-де нор-

мально, когда к войне — разумеется, подчеркнул, не к агрессии, а к обороне — готовятся заблаговременно.

ЗЛОПОЛУЧНЫЕ САПОГИ

На эту встречу прибыл я не с пустыми руками. Захватил на всякий случай домашнюю «литовскую» папку, отцовские письма маме с границы. Кстати, со странным для мирного времени обратным адресом на конвертах — «Действующая армия» и загадочной шуткой в одной из депеш: «В моей черепной коробке зреют такие мысли, что мы встретимся вновь и уже надолго, когда я изучу хорошо немецкий язык» — мол, понятен ли тебе, женушка, «весь глубинный смысл моей символики».

Я эту «символику» для обсуждения Марку Борисовичу не предлагал — просто времени для этого у нас уже не было. А вот о сапогах мы слегка потолковали. О кожаных, со скрипом. Их, как уверяет Суворов, для похода в Европу перед самой войной горами сгружали на железнодорожных станциях у западных границ советской державы. Такой злой напраслины никак не может простить ему Грызун.

Судя по письмам, сапожная проблема весной сорок первого года ужасно занимала и моего отца, хотя раньше мама как-то не замечала у него склонности к щегольству. Думал-думал, пишет, да и заказал сапоги из хрома. Жмут в подъеме, один из присутствовавших на примерке шутников предложил для надевания такой обуви «установить специальный двигатель».

Комментарий Нуждин дал краткий и уверенный: а почему бы отдельно взятому советскому офицеру не заказать себе новые сапоги? Действительно, почему бы? Но я уж не стал продолжать эту безразмерную сказку про белого бычка, ссылаясь на то, что новые сапоги тогда у границы интересовали вовсе не одного моего чудака-батюшку. А например, и его однополчанина ярославца Владимира Ивановича Суханова.

Года три назад он, будучи гостем редакции «Северного края», рассказывал, что ушел на войну еще за неделю до 22 июня («Верны присяге и чисты перед Богом», «СК», 20.07.2000). Стояли они недалеко от Плуниге, в Картежах. 17 июня их арtdивизион подняли по боевой тревоге. Приказ был забрать со склада весь боезапас, раздать каски, противогазы, новое обмундирование, начиная с исподнего. Красноармейцы впервые зачем-то получили кожаные ремни вместо тесемочных, а вместо кирзы — новенькие яловые сапоги...

Подобных вопросов в непредсказуемой нашей истории полно. И ответы на них предстоит нам искать, похоже, не один год. А пока ответы не найдены и неопровержимыми фактами не доказаны, будут появляться версии и антиверсии. Такие как у Суворова и у Грызуна. Только нельзя при этом террор 30-х годов почти ласкательно называть «лихими реформами и лихой чисткой», а сталинскую Конституцию 1936 года — «отечественной». Иначе рано или поздно нам захочется в очередной раз почистить выдавшую виды «солдатскую» шинельку великого вождя.

Одно успокаивает сегодня, в канун пятидесяти первой годовщины его смерти: чистить шинельку в разное время уже пробовали, но на ней столько всякого насохло и налипло, что не берет ее никакая санобработка.

Юлиан НАДЕЖДИН.

шать же из-за этого пародию сходства с оригиналом?

Для настоящей сатиры, на мой вкус, нашему пародисту заметно недостает самого обычного остроумия. Да и в литературе он, видимо, толком еще не осмотрелся, если утверждает, что повесть «Васек Трубочев и его товарищи» о пионерах в годы войны написана не Валентиной Осеевой, а, оказывается, польской писательницей Вандой Василевской.

Смешит-забавляет читателя наш потрошитель натужно и назойливо, с бесконечными западническими «Витек» и «сер Suvoroff», с такими перлами вольного словотворчества, как неологизм «выбегая». А ниже-следующий образчик обличительной речи — фразу про «потопы лавианных возгласов, коими вы умащаете...» — хоть сейчас предлагай филологам в праздничный капустник.

ЭФФЕКТ ПАДАЮЩЕЙ ДОСКИ

Если кусачим словесам сатирика не помешала бы улыбка, то методу его доказательств, мягко говоря, не хватает как минимум хладнокровия. Грызун все время спешит с готовыми резюме, снова и снова бросается в бой с тенью, имея перед собой не реального, а выдуманного противника. И попадает в ловушку под народным названием «падающая доска». Нашим предкам этот способ поимки длиннохвостых был хорошо известен: кляли на ночь на кухонном столе, одним концом висящую, предположим, над ведром с водой, а по утрам вылавливали из ведра захлебнувшихся мышей.

Грызун то и дело «оступается», на глазах у читателя принимаемая водные процедуры. Например, нигде не сказано в «Ледоколе», что советских летчиков «не учили воевать». Их не учили, сказано там, воздушному бою лоб в лоб — все больше стрельбе по полотняному конусу, преследованию противника, атаке наземных целей. Для таких атак был создан бронированный штурмовик Ил-2 с восемью ракетами — «летающий танк».

Нигде не пишет Суворов, что Сталин перед войной на западе страны «расширял дорожную сеть». Совсем не это автора «Ледокола» интересует, а то, почему не строили нужных для обороны рокад вдоль границы, а прокладывали дороги прямо к ним.

Порой Грызуна кажется, что он напрямую кроет ненавистного лжеца фактом. На самом же деле высказывает версию, столь же полемичную, как и версия оппонента.

В 1938 году на Харьковском тракторном заводе начали выпускать новый танк А-20. Автор «Ледокола» считает, что первоначальная расшивка заградочного названия — «автострадный», и такое объяснение кажется ему убедительным. Загвоздка, по Суворову, лишь в том, что ни-

Фото Вячеслава Юрасова.

метров по документам проходили как «сельскохозяйственное оборудование», а сам завод официально именовался паровозостроительным.

Про камуфляж лично мне раз и навсегда популярно объяснил никакой не Суворов, а наш с мамой литовский друг историк Витаутас Римгайла. Отец мой, инженер-энергетик, приписник, служил перед войной в Западной Белоруссии, а потом в Литве штабным разведчиком, строил у самой границы с Восточной Пруссией УР — укрепрайон. Мы туда приезжали с мамой к отцу погостить, встретили в Плуниге «веселый» сорок первый год. За полтора месяца до войны он увез нас в тыл.

Потом прошла целая жизнь, и я Плуниге навещал — надо же было узнать, куда в июне сорок первого бесследно сгинул младший лейтенант Федор Федорович Надеждин. Однажды ехали мы с Витаутасом по той дороге, какую, по его словам, мог строить мой отец, и гид задает задачу на сообразительность. Почему, спрашивает, столбы с лампами освещения стоят как бы поодаль от дороги и освещают пустое поле?

Теперь-то знаю почему, и сын мой знает. Та дорога к границе с

альной игры» выясняется, что во все тяжкие ударились не какие-то досужие любители «фактоплетения» (фирменное слово В. Грызуна), а сами служители музеев истории — Клио. Сотрудница деканата их факультета в ЯрГУ, услышав фамилию Нуждина и Лоханина, заулыбалась: это же, мол, наши аспиранты, хорошие ребята, правда, где они сейчас трудятся, не знаю.

Профессор М. Е. Ерин по телефону уточнил: с Нуждиным близко незнаком, у Лоханина тема «Нато и Евросоюз», правда, с ним факультету пришлось расстаться как «с несостоявшимся аспирантом», и он преподает «в одном из училищ».

Мы продолжили поиск, и вскоре удалось договориться с Марком Нуждиным о встрече. Удовлетворить читательский интерес к Грызуна Марк Борисович охотно согласился.

Его научная тема касается вооружения армий СССР и Германии во второй мировой войне. С аспирантурой он тоже расстался. Как и Лоханин, преподает в зенитном ракетном институте. На вопрос, кому принадлежит замысел книги, ответил так:

— Я думаю, что мне, тогда как Антон Лоханин думает, что ему. Книгу писали, дескать, «для